Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,
Чтобы к пенью быть готовым,
Чтоб начать скорее слово,
Чтобы спеть мне
Предков песни,
Рода нашего напевы…

— эти строки, как и другие тысячи строк рун знаменитого эпоса «Калевала», русский переводчик, уроженец некогда известного воронежского городка Коротояк, а ныне большого острогожского села того же имени, Леонид Петрович Бельский (1855 — 1916) по праву мог отнести к себе. Отнести к себе в тот самый момент, когда в Петербургском историко-литературном журнале «Пантеон литературы» был опубликован его вариант перевода на русский язык народной эпопеи «Калевала».

Александр Сергеевич Пушкин назвал переводы и переводчиков «почтовой лошадью просвещения». Значимость переводов с языков других народов для просвещения всех народов подкрепил и поэт XX века Борис Слуцкий: «*Работаю с неслыханной охотою, // Я только потому над переводами, // Что переводы кажутся пехотою, // Взрывающей валы между народами*».

Леонид Петрович Бельский

Опоэтизированная оценка «Переводы кажутся пехотою, // Взрывающей валы между народами» в научной переводоведческой трактовке звучит так: «Переводы — это не только транспонирование смыслов из тональности одного языка в тональность другого, но и способ взаимодействия и взаимопроникновения одного языка в другой».

Разные миры между собой разговаривают, начиная с того, что вначале начинают переговариваться. Через переводы — тоже... Поэзия везде поэзия, народное творчество — везде народное творчество. Ожидая мужа из нелегкой поездки, жена переживает одинаково во всех народных песнях, исполняемых на разных языках и разных манерах пения...

Перевод как вид искусства, а хороший перевод — само искусство, есть отражение смысла и созвучий, что есть не легкий, а долгий и мучительный *«путь от смысла к звуку»*. Как вся мировая литература, переводы не могут позволить себе быть лишь искусством для искусства. Переводы, как все виды и жанры литературы, вольно или невольно несут в себе статус общественной значимости, политизации. В наше время, время информационных войн — тем более...

Есть переводчики, которые переводят то, что издатель им предлагает, как кто-то их обозначил, справедливо или нет: «Рабы подстрочников и слуги языка». Это одна манера работы, манера профессиональная, как работа, дающая заработок, материальное существование. И при таком исполнении профессионального положения есть переводчики, достигнувшие признания своей переводческой работой. Люди, которые не любят переводческую работу, но занимаются ею, выполняя к тому же ее неплохо, принимают ее все-таки как адский труд.

Но бывает и так, что вдруг появляются странные люди, люди категории «не от мира сего», которые приступают к переводам будто по неведомому зову, желая лишь порадовать, просветить читателя, ввести его в систему координат мироздания. Лишь только потому, что почувствовали дух иноземного стихотворения, повести, романа, эссе, литературоведческой публикации и спешат поделиться этим иноземным чудом.

Таким переводчиком и был Леонид Петрович Бельский. О своем понимании переводов для просвещения и единения народов он сказал собственным стихотворением, которое предваряло первое издание перевода «Калевалы» и посвящалось «Дорогому наставнику Федору Ивановичу Буслаеву» —

Я шел туда, где ключ живой
Народов мудрость источает,
Где слово истины простой
В лучах поэзии сияет;
Туда, где тайный смысл времен
Начертан древностью забытой...

Тем не менее, можно сказать, что Леонид Петрович Бельский занялся переводами случайно. Он получил право остаться на два года в Московском университете, где окончил историко-филологический факультет, для подготовки к профес-

сорской должности. И стал работать над диссертацией по проблемам народного творчества. Вот тогда-то неожиданно и возник у него *«дерзкий замысл»* перевести на русский язык народный финский эпос «Калевала», напетый рунами многими поколениями финнов: *«Их отец певал мой прежде, // Топорище вырезая, // Мать меня им научила, // За своею прялкой сидя. // На полу тогда ребенком // У колен их я вертелся...»*

Леонид Петрович прозорливо почувствовал, что руны — по духу это те же русские сказания, былины, эпические песни болгар, сербов, черногорцев, думы малороссов. Как жанр фольклора они исполняются как без сопровождения, так и под аккомпанемент *кантеле*. А как жанр литературы, — это стихи силлабического строения, отличавшиеся богатством аллитераций, метафор.

Замечено переводчиками, что легче всего перевести именно метафору, то есть не переложить ее дословно, слово в слово, а передать образность, которая становится сразу ближе и понятнее, потому что образность слов присуща языкам всех народов. Как в «Калевале» о солнце: *«Дай тепло мне, божье солнце. // Колесо господне света»*.

Силлабическое стихосложение, основанное на упорядоченности числа слогов в стихе, масштабно употреблялось в поэзии разных народов тех веков. В русской поэзии оно было популярно в конце XVII — начале XVIII веков.

Силлабема (от латинского слова — *слог*) как фонологическая и смыслоразличительная единица являла собой, на подсознательном уровне, конечно, смысловое и звуковое единство финских, карельских народных песен и стихотворений. Русских — тоже. Такая всеобщая закономерная сущность «в слове и звуке» и сослужила добрую службу для переводчика Леонида Бельского.

«Калевала», как свидетельствуют справочники, карело-финский эпос о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева. Руны напели о сказочном герое: *(«Вот поднялся Вейнемейнен. // Стал ногами на прибрежье, // На омытый морем остров, // На равнину без деревьев»*, о том, как он засеял землю деревьями, растениями, злаками, о неудачном его сватовстве, об изготовлении лодки для небесной девы, о чудесном исцелении от ран. Напели руны и о драматизме судьбы Вейнемейнена: схождении в царство мертвых и возвращении после прохождения через чрево чудовища к жизни, о нахождении огня для освещения земли, когда были похищены солнце и месяц.

Руны напели и о других сказочных героях. И не только о подвигах, но и житейских ситуациях: сватовстве, свадьбе, наказах жениху и невесте, что заняло центральное место эпоса «Калевала». Эти руны по количеству сравнялись с рунами о сражении героев Калевалы с жителями Похколы, с рунами об избавлении от насланных колдовством болезней, от чудовищного медведя.

Составил эпос «Калевала» финский фольклорист Элиас Леннрот, опубликовав свой труд двумя книгами в 1835 и 1849 годах. С того времени и началось распространение и утверждение эпоса «Калевала» в будущих поколениях и между народами — двумя путями.

О первом пути, что «Калевала» будет не только запоминаться потомками, но и обогащаться ими новыми рунами, пророчески поведал неведомый народный рунопевец того давнего-давнего времени:

Как бы ни было, я все же
Показал певцам дорогу.
Путь им дал, нагнул верхушки,
Сбросил ветви на тропинку.
Дал я будущему выход.
Здесь тропиночка открылась

Для певцов, что поспособней,
И что рунами богаче
Меж растущей молодежи
В восходящем поколенье.

Второй путь распространения эпоса «Калевала» в других странах — переводы на языки разных народов.

О поэте и фольклористе, скромном лекаре Элиасе Леннроте, собравшем и издавшем песни-руны эпоса «Калевала», русский студент Леонид Бельский впервые услышал от известного филолога и искусствоведа, академика Федора Ивановича Буслаева, известного автора трудов по русскому языкознанию, древнерусской литературе, фольклору.

Первопроходцем перевода «Калевалы» Леонид Бельский не был. Попытки перевести «Калевалу» на русский язык делали и до него.

Так, например, первый стихотворный перевод, который принадлежал С.Гельгрену, был обречен на неудачу, не только потому, что оказался не доведенным до конца и давал русскому читателю лишь избранные места из «Калевалы». Переводчик «Песни о Куллерво» и «Песни об Айно» стилизует руны при помощи лексики, синтаксических оборотов и даже некоторых морфологических особенностей языка русского фольклора. Переводческий стиль, чему было воздано должное, свидетельствовал о хорошем знании переводчиком русского языка и подлинных текстов русского фольклора. Однако сама идея ориентироваться при переводе рун на русский фольклор оказалась недостаточно результативной. И Федор Иванович Буслаев, после неудачных попыток других переводчиков, внимательно следил за переводческой работой Леонида Бельского, возлагая на него большие надежды. Немаловажно и то, что его ученик стал к тому времени профессиональным поэтом.

Переводчик Леонид Бельский останется искренне и сердечно благодарен дорогому наставнику — Федору Ивановичу Буслаеву.

Вот строки стихотворного признания:

Он предо мною раскрывал
Науки мудрые скрижали,
Судьбу веков он мне вещал,
Народов радость и печали...
И прелесть образов былых
Он воскрешал передо мною.
Я шел к нему. Он напоил
Меня из чаши просвещенья,
Во мне будил он вдохновенье
И тихий труд благословил.

А в предисловии к первому изданию Бельский напишет следующие строки: «Предпринять далеко не легкий труд... побудила нас важность финского эпоса в ряду народных произведений других национальностей и отсутствие перевода «Калевалы» в русской литературе... Мы бы не взяли на себя смелость выступить с нашим трудом в печати, если бы не имели одобрительных отзывов о нем от двух маститых академиков, немало потрудившихся над финским эпосом: Я.К. Грота и Ф.И. Буслаева... Первым знакомством с этим сокровищем эпической поэзии обязаны мы глубокоуважаемому академику Федору Ивановичу Буслаеву, который всегда с обычным ему радушием и сердечной готовностью дарил нас своими благими советами и доброй помощью. Мы считаем особенным счастьем для нашего перевода «Калевалы», что выход его в свет совпал с юбилеем маститого ученого». (В 1888 году отмечался пятидесятилетний юбилей Ф.И. Буслаева).

«Тихий труд» получил широкую известность и признание. 20 октября 1889 года на публичном собрании Императорской Академии наук, где присутствовали известные российские писатели и поэты, переводчику эпоса «Калевала» Леониду Бельскому единогласно присуждается высшая литературная награда — Пушкинская премия.

Это награда за то, что Леонид Петрович Бельский познакомил русских читателей с эпосом «Калевала», и за то, что внес новизну в перевод, когда, по одному восторженному отклику, воистину «читаются руны дивные как русские стихи».

Перевод — это, прежде всего, интерпретация, но не по букве, а по духу, хотя все начинается с прочтения подстрочника.

Вот, к примеру, перевод всего лишь одной шекспировской фразы из «Гамлета».

Фраза та: *«Непостоянство, имя твое — женщина»*.

Фраза, которая звучит по-разному...

В переводе Лозинского: *«Бренность, ты зовешься, женщина!»*

В переводе Пастернака: *«Ты, право, тезка женщине, превратность»*.

В переводе современного Чернова, в варианте которого «Гамлет» шел на сцене театра имени Ермоловой: *«Ну, бабы... Какую слабость носите в крови?»*

Это все к субъективным издержкам и объективным трудностям перевода. Для искушенных авторов перевод есть отражение оригинала. Как отражение нашего лица в зеркале. Оно, это отражение, для нас, вроде бы хорошо и самоуверенно знавших свой облик, бывает часто зыбко разным. И чем более узнавания своих черт, близких и родных — тем четче и вернее отражение. Так и здесь, то есть в русле разговора о сущности перевода. Чем точнее перевод отразит оригинал со всеми его иноязычными нюансами, реальными чертами жизни и человеческими оттенками чувств — тем убедительнее будет для читателя переведенное стихотворение, повесть, эпос. Эпос «Калевала» в этом ряду.

Прежде чем приступить к переводу эпоса «Калевала», Бельский основательно овладел языком рунопевцев, рассматривая это лишь как исключительно техническую сторону ответственнейшего дела, за которое с пылом, усердием и готовностью взялся. И потому сосредоточился на глубинной, основополагающей творческой стороне перевода «Калевалы». Как переводить? Любопытны размышления переводчика по этому поводу: «При переводе «Калевалы» возникает... важный вопрос: литературным или русским народным языком передавать иноземное народное произведение? По нашему мнению, передача чужого произведения русским народным языком не может иметь места. Русский народный язык имеет свои национальные особенности, заключает в себе понятия чисто русские, ограниченные народным миросозерцанием, и вмещает в себе нечто такое, с чем не согласуются соответствующие понятия других языков. Таково свойство и всякого народного языка. Между тем, язык литературный гораздо гибче, понятия его гораздо шире, и он может передавать иноземные речения с большим удобством. Для примера возьмем выражение «красна девица» и литературное «прекрасная девушка». В понятии «красна» заключается признаки красоты, как ее понимает русский народ, между тем, понятие «прекрасный» вмещает в себе признаки красоты по общечеловеческому пониманию».

Но это убеждение имело отношение лишь к языковой субстанции. У Леонида Петровича не было и мысли об отрицании значимости взаимопроникновения фольклоров — финского, карельского, эстонского и русского. Литература этих народов, как и русская литература, возникли из фольклора. А в фольклоре нет философских рассуждений — их заменяет пересказ с чувствами, с эмоциями.

Фольклорные произведения — как сказка, песня, изустный рассказ — поются

или рассказываются, то есть произносятся изустно и воспринимаются на слух. Записанная сказка или песня от этого еще не становится произведением литературным. Их надо приспособить для чтения. Вместе с тем они не должны потерять связи с фольклорной стилистической традицией, они должны читаться, но восприниматься при этом как поющаяся песня или рассказываемая сказка.

При переводе «Калевалы» Леонид Бельский сумел теоретически и практически обосновать и воссоздать особенности перевода рун. Руны должны были восприниматься как нечто действительно поющее в фольклорной, но не русской, а карельской (финской) фольклорной манере. А для этого необходимо было воссоздать условия, в которых они пелись как фольклорное произведение целой системой смысловых и стилистических средств. В связи с этим Леонид Петрович о своей системе перевода рун, в котором отсутствует рвение «буквализма» и присутствует максимально возможная близость к оригиналу, скажет так: «Стремясь соблюсти правильность стиха и в то же время быть близким к оригиналу, переводчик все-таки нуждается иногда синонимически заменить слово, не укладывающееся в стих, или перенести речение из одного стиха в другой или, наконец, опустить или вставить какое-нибудь неважное слово, но все это, конечно, без ущерба смыслу содержания. Главнейшей заботой переводчика должна быть возможная близость к оригиналу и правильность слога».

Ритмическая модель стиха перевода Леонидом Петровичем Бельским уже более века существует в сознании русского читателя как специфически «калевальская»:

Айно дева молодая,
Юкаганена сестрица,
В лес пошла нарезать веток.
В роще веников наделать.
Для отца связала веник,
Веник матери связала...

Именно русским «калевальским стихом» Иван Алексеевич Бунин перевел «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло, которая возникла в американской поэзии в подражание «Калевале»:

Он увидел, что в долине
Ходит дева — собирает
Камыши и давний шпажник
Над рекою по долине...

Предваряя перевод, Иван Алексеевич Бунин писал о своем творческом подходе к переводу так: «Я всюду старался держаться ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов. Это было нелегко...»

При переводе на другой язык оригинал всегда что-то утрачивает, теряя аромат. В чем-то такой процесс объективен из-за структурных особенностей языка и его грамматики, из-за менталитета народа, который говорит на своем языке и пользуется собственным строем грамматических правил и положений. В чем-то такой процесс субъективен, потому что переводчику предстоит не только войти в словарный состав языка, но и в психологию носителей этого языка, знать их культуру, историю их страны. И Леонид Петрович Бельский выделил на первый план, прежде всего, общечеловеческие ценности: вселенский мир — семья — круг родичей — общая тропа — природа, что песни-руны зеркально отразили в сказочной стране Калева, чтобы оттуда вновь вернуть все в реальный мир, но с иным, чем прежде, мироощущением и познанием мира:

Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качанья!
Если дурно нянчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть состарится с годами
И окрепнет мощным телом.

Бельский стремился, сохраняя, передать эпическую неторопливость текста «Калевалы», неторопливость, так присущую устному исполнению и делающую финский народный эпос незабываемым впечатлением для русских читателей:

Сам сказал он новой лодке:
«Ты сойди на воду, лодка,
Побеги, челнок, на волны,
Чтоб тебя рукой не править.
Не держать бы большим пальцем.

...Я все ждал, когда же услышу резкое «р-р-р», такое характерное для обыденной финской речи, прочитав в одном современном стихотворении — *«Сосны мне протягивают руки // И по-фински шепчут: «Терве, терве»*. А вот в руне «эр» и «эр» — «чтоб тебя **р**укой не п**р**авить, // Не де**р**жать бы...» и — ничего речевого резкого не заметил...

И еще к тезису о творческой близости переводов «Калевалы» Леонидом Петровичем Бельским и «Песни о Гайавате» Иваном Алексеевичем Буниным:

Так построил он пирогу...
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка...
Весел не было на лодке,
В веслах он и не нуждался:
Мысль ему веслом служила,
А рулем служила воля...

Изначальная связь Леонида Бельского с тем миром, который был финский мир (примерно в том же амплуа, что и «русский мир», который мы сейчас пытаемся обрести вновь), отраженный в сказочной стране Калева, его мастерством как переводчика, все заметнее сближались и сближались. Иначе и быть не могло, потому что так сродни, так близки, скажем, жалобы персонажа финского эпоса «Калевала» с персонажами русских сказок, плачей, старинных песен о горькой изначальной судьбе, особенно судьбе обделенной:

Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома,
Я от матушки родимой.
С ней одной я оставался.
Я учился только дома.
В своей собственной ограде,
Где пряла моя родная...

Бельский в меру использовал параллели с русским фольклором, стремясь сохранить идентичность его и финского. Наибольшее число параллелей приводится к рунам XIX — XXV, насыщенных свадебными песнями и обрядами. Как много знакомого для русского читателя было в наказе невесте:

Осмотор, красотка дева,
Опытная дочь Калевы
Вразумляет ту девицу,
Ту сиротку умудряет,
Как бы в радости прожить ей,
Как прожить бы с похвалою,
Быть веселой в доме мужа,
Быть веселой у свекрови...

И в наказе жениху оценить невесту и беречь в будущей совместной семейной жизни:

Чистая с тобою девица,
Ясная с тобой в союзе,
Белая в твоем владенье,
Статную ты защищаешь,
Сильную у сердца держишь,
Крепкая с тобою рядом,
Молотить она умеет,
И прекрасно косит сено,
Дева так искусна в стирке
И полотна белит ловко.

Ты не вздумай, муж несчастный,
Поступать с девицей дурно,
Поучать ременной плеткой,
По овинам горько плакать...
Перед нею стань стеною,
Стань пред ней как столб у двери,
Чтоб свекровь ее не била,
Чтобы свекор не бранился...

Так при переводе для русского читателя осваивались и, в лучшем смысле этого слова, «присваивались» добрые человеческие ценности: смирение перед обстоятельствами жизни и благоразумное поведение, почитание родителей среди финнов.

Так одно национальное, переходя в другое национальное, выявляет свою общечеловеческую ценность. Это и был мостик к поэтике финской народной эпопеи «Калевала».

И переводчик, преодолев немало трудностей перевода «Калевалы», поступил так, как тот рунопевец, что *«Повернул слова святые, / Взял назад свои заклятья»*.

Современники знали Леонида Петровича Бельского как энциклопедически образованного человека. Кроме преподавательской работы и переводов, он занимался активной просветительской деятельностью. Им опубликованы очерки об Алексее Кольцове, Иване Никитине, Василии Жуковском. Изданы переложения в стихах народных сказок «Три копеечки» и «Сказки о царевне-лягушке», сборники «Вечерние зорьки» и «Думки», составленные из произведений разных жанров.

Как это порой бывает, выдающийся переводчик «Калевалы» был постепенно забыт. В иных изданиях стала появляться краткая ссылка: «Перевел с финского А.И. Бельский».

Полную ясность по поводу путаницы в авторстве перевода «Калевалы» внес Владимир Лебедев, корреспондент ТАСС, аккредитованный в Воронежской области. В 1985 году, когда во всем мире отмечалось 150-летие выхода в свет выдающегося памятника культуры, Владимир Лебедев и сообщил о том, что первый классический перевод, наиболее верно доносящий этнический дух и национальный

колорит оригинала, сделал земляк воронежцев Леонид Петрович Бельский. А как же тогда «Перевел с финского А.И. Бельский»? То ли необъяснимый просчет, то ли ошибка корректора (и не такое бывает!). Но чтобы исправить опечатку, установить истину, потом нужны годы, десятилетие, и не одно...

Впрочем, Владимир Лебедев сам рассказал историю поиска, изложенную им в своем ТАССовском сообщении (эти сообщения всегда подавались кратко, выверенно): «Переводчик «Калевалы» — наш земляк. Поиски имени переводчика в различных справочных пособиях оказались безрезультатны: нет его ни в Большой и Малой Советских энциклопедиях, ни в «Краткой литературной энциклопедии», ни даже у «всезнающих» Брокгауза и Ефрона.

Тайну имени приоткрыл живущий в Петрозаводске поэт, кандидат филологических наук О.Мишин: «Бельский Леонид Петрович — ваш земляк, воронежец, — сказал он, отвечая на мой вопрос по телефону. — А в некоторых изданиях его инициалы, к сожалению, названы неверно».

Олег Иосифович любезно подсказал, где искать следы нашего славного земляка, а вскоре прислал подготовленный им к юбилею эпоса красочный проспект «Калевала» и сборник своих статей «Весомость слов простых» — о карельской литературе и проблемах перевода, где также несколько страниц посвящено Л.П. Бельскому».

О том, сколько времени и труда было затрачено на поиск следов «вне редакционного задания», следов, которые в конце концов и привели к любезному Олегу Мишину, Владимир Лебедев оставил за скобками...

Но если говорить благодарно о поиске Владимира Лебедева, восстановившего точность имени и отчества знаменитого переводчика Бельского, то необходимо вспомнить о составлении Владимиром Лебедевым уникальной книги антологии «Свет-Береза». В книге помещены стихотворения и песни о белоствольном символе России — березе... Прекрасное издание! Но это — к слову.

Главное в том, что теперь тот, кто станет перечитывать руны сказочной страны Калевы, может благородно вспомнить знаменитого воронежца, переводчика Леонида Петровича Бельского, который *«руны на русский перевел в слезах от счастья...»*. И дал возможность, чтобы, читая, мы познавали, как люди, говорящие на разных языках, могут быть близкими в мыслях, в согласии о значимости мира для будущего, с надеждой: «*Меж растущей молодежи // В восходящем поколенье...*»

□ □